

ОДА “НАЧАЛЬНИКУ”

Словом “начальник” людская молва окрестила одну из множества педагогических профессий, придавая ей в зависимости от контекста то насмешливо-иронический, то уважительно-почтительный оттенок. Речь идет об учителе начальных классов. И “начальник” этот, как правило, женщина.

Ни для кого сегодня не секрет, что количество мужчин, преподающих в начальной школе, ниже порога статистической значимости. В статистике это та величина, которой можно попросту пренебречь. Создается впечатление, что сильная половина рода человеческого просто уклоняется по каким-то, лишь ей одной известным причинам от несения “начальнического” креста. И это обстоятельство находится в явном противоречии с той ролью, которую реально выполняет образование и его подструктура начальной школы в человеческой (общественной и индивидуальной) жизни. Приведу некоторые социологические аргументы.

Во-первых, по некоторым данным, в сфере образования так или иначе занято сегодня около тридцати процентов производительного населения страны. Если к их числу прибавить еще и учащихся, то получится почти половина жителей республики, что, несомненно, превосходит по численности любую другую социальную сферу, не исключая и здравоохранение. Это значит, что реально образование *не затратная* общественная инфраструктура, а гигантский источник и резерв человеческой энергии, эффективность которого еще нужно научиться видеть.

Во-вторых, в образовании человек проводит сегодня значительную и, очевидно, лучшую часть своей жизни. А если учесть, что после формального завершения своего образовательного пути нам приходится сопровождать по нему не только детей, но и внуков, то человеческое присутствие в образовании начнет тяготеть к известной метафоре “пожизненного”. Каждый, читающий эти строки, наверное, придаст “пожизненности” свой смысл, аккумулирующий его опыт, весьма различный у всех. Однако, стремясь к социологической объективности, отмечу, что во всем, как теперь принято говорить, цивилизованном мире время, которое общество способно выделить на образование, считается важнейшим показателем его развитости, а образованность на индивидуальной ценностной шкале давно потеснила все иные приоритеты, включая и любовь. Хорошо бы над этим задуматься нашим политикам, определяющим направление финансовых потоков в обществе.

Так вот, значение образования неуклонно прогрессирует при реальном сокращении общественного внимания к нему и его главному звену — начальной школе, от обустроенности которой во многом зависит весь последующий путь растущего человека. Главное предназначение начальной школы сегодня, как мне представляется, состоит в приобщении ребенка к образованию, в ориентировке его в этой крайне сложно устроенной сфере человеческой жизни.

Именно в начальной школе мы приобретаем первый опыт систематического образования, ответственного отношения к делу внеиндивидуального значения. Именно здесь начинаем измерять себя нормативной шкалой и опознавать свой собственный облик, соотнося его с общепринятым эталоном. От успехов или поражений в институте инициации, именуемом начальной школой, зависит весь наш последующий путь не только в образовании, но и во внеобразовательной сфере. Получается, что время, проведенное человеком в начальной школе, — важнейший, можно сказать, решающий этап его жизни, а общественное внимание к нему в лучшем случае такое же, как и ко всем остальным. Должно ли так быть? Я думаю, что и это противоречие также неплохо было бы осмыслить людям, формирующим сегодня государственную политику в области образования.

Учитель начальной школы, на мой взгляд, самая незащищенная в профессиональном отношении педагогическая категория. Если недоработал воспитатель детского сада или преподаватель старших классов, его пробелы или неочевидны, или легко списываются на другие инстанции: новую жизненную ситуацию, личную нерадивость выпускника школы, игру случая. А вот если по завершении начальной школы вдруг обнаружится, что ученик не умеет писать или читать, слабо ориентируется в простейших ариф-

метических действиях, то причину этих недостатков общественное мнение сразу же свяжет с качеством работы “начальника”.

Это значит, что учителя начальных классов постоянно ориентированы на конкретный контролируемый результат обучения, который они не могут не обеспечить. Причем контроль этот осуществляется не только родителями, не только школьной администрацией и соответствующими отделами народного образования, но, и это самое главное, коллегами-преемниками. Какая еще категория школьных наставников имеет такой компетентный бескомпромиссный ОТК?

Не знаю, как для других, а для меня это могло бы быть решающим аргументом не в пользу профессии учителя начальных классов. Я всегда восхищался Львом Николаевичем Толстым, считавшим себя в первую очередь учителем младших классов, а лишь затем писателем. Отлучение Толстого от начальной школы не было исторической случайностью. Стражи образовательных устоев не умом, а каким-то иным органом чувствовали опасность поисков этого “начальника”. Оказывается, можно учить всю Россию, но только не конкретных учеников.

Сегодня наше образование переживает трудные времена. Я говорю не о тех трудностях, на которые все сетуют в житейском смысле. Они были, есть и, наверное, будут всегда. Речь об ином. О том переходном времени, в котором нам довелось жить. “Времена, — писал поэт, — не выбирают, в них живут и умирают”. Так вот, я о первом — о жизни.

Что значит переходное время?

Что значит жить в переходное время?

Что значит быть учителем начальной школы в переходное время?

Трудно ответить на эти вопросы с предельной определенностью, поскольку все мы в этом переходном времени пребываем. Другое дело: когда оно закончится? Пока же нам остается довольствоваться скромной участью людей, уразумевающих смысл самих вопрошаний.

В переходные времена, как никогда, трудными становятся вопросы о смысле происходящего, о перспективах будущего, о добре и справедливости — словом, об ориентирах человеческого мышления и действия. В переходные времена прежде простые вопросы превращаются в нерешаемые проблемы. “Зачем учить счет, когда есть микрокалькулятор?” “Зачем читать книгу, если на полке стоит записанная на видеопленку экранизация?” “Добро — это когда всем хорошо, а тебе плохо, или наоборот?” И все эти, а также другие вопросы ученик очень часто адресует учителю. В переходные времена педагог всегда знает ответ, в переходные же он теряет уверенность в своей правоте, поскольку ответы зависят от контекстов, а контексты движутся.

Я помню, как в начале 90-х годов с экрана телевизора к ученикам обращался пожилой рабочий. В совершенном смятении он повторял, как тогда казалось, странную фразу: “Я всю жизнь был в первых рядах строителей коммунизма, я очень старался. А теперь что? Скажите мне, пожалуйста, где перёд?” Он думал, что ученые про “перёд” знают.

В переходные времена нам приходится самим определять, где “перёд”, неся полную ответственность за совершенный выбор. А в школе еще и учить этой ответственности детей. Странная ситуация, не правда ли? Мы ведем других, сами не зная пути.

Быть учителем в переходное время — это, не зная ответа, все же отважиться находиться рядом с учеником, поддерживая его *самостояние*. В переходные времена не живут, их поддерживают.

“Начальнику” сегодня непросто. Смысл и значение его работы однозначно не может определить никто. Чему должно обучить вступающего в образование человека? Элементарной грамотности? Умению жить среди людей? Навыкам учения? Сопротивляемости? Искусству побеждать? Упомянутой выше ориентации в образовании?

Сколько разных вопросов и сколько разных на них ответов. А самый главный вопрос быть может еще не поставлен.

И в этой невозможной переходности “начальник” живет и работает. И выглядит при этом если не лучше других, то уж точно не хуже. Как ему это удастся? Когда? За счет какого ресурса?

Неразгаданная загадка. Учительница начальных классов. Женщина.

А. ПОЛОННИКОВ.